

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Завьялов В.Н., Тюрин П.М. Кто вы, доктор Яновский? (об атрибуции "Романа с кокаином") // Филология: научные исследования. 2025. № 9. С. 1-17. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75742 EDN: XVKNZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75742

Кто вы, доктор Яновский? (об атрибуции "Романа с кокаином")**Завьялов Виктор Николаевич**

ORCID: 0000-0001-5087-162X

доктор филологических наук

профессор; высшая школа Русской филологии; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

 victorzoff@list.ru**Тюрин Павел Михайлович**

ORCID: 0000-0001-5000-9757

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

 tyurin.pm@dvgu.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.9.75742

EDN:

XVKNZS

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Объектом настоящей статьи является одно из самых загадочных произведений русской литературы периода парижской эмиграции – "Роман с кокаином",

а предметом – проблема атрибуции этого произведения. Актуальность статьи обусловлена тем, что ни одна из версий авторства романа не является на сегодняшний день бесспорной, поэтому необходимы дальнейшие исследования в данном направлении. Цель статьи – постановка и обоснование гипотезы о возможном участии в создании «Романа с кокаином» Василия Яновского – представителя так называемого "незамеченного поколения" парижской эмиграции. Для ее достижения в статье исследуются основные версии авторства "Романа с кокаином", которые анализируются и сопоставляются между собой. При этом учитывается литературно-исторический контекст, во время которого было создано это произведение. В статье используются описательный, сопоставительный и аналитический методы, которые предоставляют возможность рассмотреть предмет исследования как с различных сторон, так и в их совокупности. Научная новизна исследования состоит в том, что подобный подход к решению проблемы атрибуции "Романа с кокаином" осуществлен впервые. Предполагаемое авторство В. Яновского устанавливается путем аналитического поиска причин мистификации и обосновывается с помощью текстологического анализа «Романа с кокаином» и ряда произведений В. Яновского. Установлено, что между ними и «Романом с кокаином» имеется определенное структурное, фабульное, идейно-тематическое и лексико-синтаксическое единство. Одной из главных причин создания данной мистификации может быть творческий конфликт между В. Яновским и В. Набоковым, который в целом обусловлен отношениями между писателями «незамеченного поколения» и писателями-эмигрантами «высшего эшелона». Результаты исследования предоставляют возможность вести дальнейшее исследование заявленной проблемы, а также вносят вклад в изучении феномена мистификации в русской классической литературе.

Ключевые слова:

атрибуция, мистификация, структура, фабула, текстология, гипотеза, роман, речеведение, синтаксис, стилистика

1. Введение

«Роман с кокаином» является одним из самых загадочных и интригующих произведений русской литературы, актуальность и востребованность которого продолжает расти [1]. И самым проблемным является вопрос его атрибуции, который в свое время бурно обсуждался филологами [2; 7; 22; 25; 29; 30; 31; 32; 34 и др.], а также был объектом исследования представителями прикладных лингвоматематических направлений [10; 27], но так и не был решен окончательно, с согласием всех вовлеченных сторон. Вместе с тем проблема заключается не только в установлении подлинной личности автора (или авторов) «Романа с кокаином», но и в выявлении (по возможности) всего комплекса причин, обусловивших появление этого произведения, которое представляет собой сложную и запутанную мистификацию.

Мистификация является неотъемлемой частью литературно-исторического пространства (как и человеческой культуры в целом), а ее виды, формы функционирования, как и способы изучения, могут быть самыми разными [4]. В этом плане определяющими являются исследования культурной идентичности и мистификаций в славянских языках и культурах, проводимые Институтом славяноведения РАН [9; 14; 18 и др.]. Феномен мистификации понимается в них как «создание (отдельным индивидом или социальной

группой) текста/сообщения – в широком смысле – с ложной референцией» [\[11, с. 6\]](#). Областью мистификаций могут быть «язык (лексические “фейки”), история (псевдоисторический нарратив, псевдодокументы), литература и искусство (вымышленное авторство, сдвиги датировок, подделки и пр.)» [Там же]. Мистификации особенно часто возникают «в эпохи, когда смена роли личности (= авторства) и/или национальной/социальной идентификации в культуре определяют тип поэтики» [\[11, с. 7\]](#). Наглядным примером этому является творчество оказавшегося в силу исторических обстоятельств на стыке культур Владимира Набокова, в котором мистификация была чуть ли не главной составляющей, в том числе ономастическая: от авторского псевдонима (Сирин) до вымышленного поэта Василия Шишкова наряду с многочисленными аллюзиями, в которых порой невозможно отличить вымысел от реальности [\[13\]](#).

При анализе феномена мистификации, связанной с атрибуцией «Романа с кокаином», мы будем исходить из ключевого принципа, что подобные и аналогичные им явления следует изучать «не как курьезы, а как закономерный и необходимый этап литературного и исторического развития» [\[28, с. 217\]](#). Сама же атрибуция может осуществляться в целом с трех сторон: фактологической (биографической и библиографической), идеологической (авторские и социальные установки), текстологической и лингвостилистической [\[6, с. 7-218\]](#)), что в совокупности с прикладными лингвистическими методами должно приносить в той или иной мере предполагаемый результат.

2. Основные сведения о «Романе с кокаином»

«Роман с кокаином» (далее – РК) был впервые опубликован в парижском еженедельнике «Иллюстрированная жизнь» с 15 марта по 5 июля 1934 года (№№ 1-17) под названием «Повесть с кокаином». Первая часть («Гимназия») выходит далее в № 10 журнала «Числа» за 1934 год, однако следующего номера не последовало, так как журнал был закрыт из-за финансовых проблем. Отдельной книгой и именно под названием РК роман вышел два года спустя, т.е. в 1936 году, в «Издательской коллегии парижского объединения писателей» «без даты, но, по всей вероятности, осенью» [\[30, с. 436\]](#).

Произведение вызвало оживленную дискуссию в парижской эмигрантской среде. Критики, в числе которых были Д. Мережковский, Г. Адамович, В. Ходасевич, А. Бем и др., «при всех различиях в оценке художественных достоинств произведения, единодушно отметили появление нового литературного таланта» [\[32, с. 266\]](#), а Д. Мережковский даже сравнил неизвестного автора с Достоевским «тридцатых годов нашего века», озадачившись при этом слишком высоким литературным мастерством автора, заявленного как начинающий: «Не первая ли это его вещь?» [Там же].

Тем не менее вскоре роман был практически забыт и вновь привлек к себе внимание лишь полвека спустя благодаря слависту Лидии Швейцер, случайно обнаружившей его в 1983 году в одном из букинистических магазинов Марселя [\[7, с. 4\]](#). В том же году выходит сделанный ею перевод РК на французский язык, вызвавший бурную реакцию во франкоязычной литературной среде, затем последовали английский и итальянский переводы, а также русское переиздание. Сегодня РК признан произведением, безусловно, входящим в число шедевров русской классической литературы.

3. Версии авторства «Романа с кокаином»

Выдвигались три основные версии авторства РК: Михаил Агеев, Владимир Набоков, Марк Леви.

Михаил Агеев. Согласно информации, представленной в книге В. Яновского «Поля Елисейские», вышедшей в 1983 году [\[39, с. 334–335\]](#), а также интерпретированной и дополненной в [\[7; 32; 34 и др.\]](#), известно, что в конце 1933 года Г. Адамович получил от некоего М. Агеева по почте из Стамбула рукопись для конкурса молодых писателей, но так как ее автор нарушил некоторые его положения, то по условиям мероприятия произведение не было к нему допущено. Однако в силу своих очевидных художественных достоинств оно, начиная со следующего года, стало публиковаться в различных эмигрантских изданиях. В том же 1934 году в журнале «Встречи» был опубликован рассказ М. Агеева «Паршивый народ».

По воспоминаниям поэтессы Лидии Червинской, опубликованным в 1985 году в парижской газете «Liberation» [\[30, с. 437\]](#), в 1935 году она, будучи в Стамбуле у своих родителей, по поручению монпарнасцев отыскала М. Агеева в доме для умалищенных, и у нее даже был с ним любовный роман. Он якобы рассказал ей, что родился в Москве, окончил там гимназию, а после вынужденного бегства из России жил почти десять лет у своих родственников в Берлине, работая в скорняжной мастерской. «Тогда же начал принимать кокаин, хотя и не часто. В 1933 году на пароходе переправился в Стамбул» [\[34, с. 162–163\]](#). По возвращении в Париж Л. Червинская получила от М. Агеева по почте заграничный паспорт какой-то южноамериканской страны с просьбой продлить его, однако паспорт этот она потеряла. В 1936 году М. Агеев, возможно, скончался в той самой больнице для умалищенных, где Лидия Червинская, по ее рассказам, с ним и встретилась [\[22, с. 294; 34, с. 154\]](#).

Владимир Набоков. В 1985 году Никита Алексеевич Струве предположил, что автором РК мог быть не кто иной, как Владимир Набоков. Данная версия основывалась на высокой, по его мнению, степени схожести творческой манеры В. Набокова и некоторых его произведений с архитектоникой РК (здесь и далее излагается по [\[30\]](#)).

В качестве доказательств Н. Струве указал на схожесть фабулы РК и «структурных приемов» с некоторыми романами В. Набокова («Защита Лужина», «Подвиг», «Отчаяние» и др.), а также на наличие «побочных тем, отдельных описаний, мелких штрихов, которые носят явно набоковский отпечаток» [\[30, с. 444\]](#) (ономастическая перекличка героев, параллели между жизнью и шахматной игрой, осуждение антисемитизма, язвительность в отношении советского строя, порицание пошлости и др.).

Особое внимание Н. Струве уделил анализу языка РК, который, по его мнению, во многом сближается с языком произведений В. Набокова. Это и высокочастотное употребление некоторых лексем, и повышенное внимание к описанию различных частей тела, и метафорические «фруктовые оттенки», и фонетическая деформация слов «с изdevательской интонацией», и «воспроизведение звуков голоса и шумов» и т.д. [\[30, с. 450–455\]](#).

В итоге Н. Струве сделал вывод, что РК – это одна из мистификаций В. Набокова, к которым он прибегал на протяжении всего своего творчества. Причины же данной мистификации Н. Струве увидел в том, что, будучи не в ладах с эмигрантской критикой, В. Набоков захотел «выйдать роман под чужим именем, чтобы испытать или окопачить этим критиков» [\[30, с. 460\]](#).

Марк Леви. М. Леви как возможного автора РК, скрывающегося под псевдонимом М. Агеев, называла Л. Червинская, однако научная версия авторства М. Леви была

предложена и обоснована Г. Г. Суперфином и М. Ю. Сорокиной в 1994 году (излагается по [\[32\]](#)), а также дополнена в [\[31\]](#). Она базируется на документально установленных биографических сведениях о М. Леви, имеющихся в РК: совпадение имен и фамилий (прямое или паронимическое) ряда персонажей произведения со списком выпускников частной московской гимназии Р. Ф. Креймана (в романе – Клеймана) (Василий Буркевич, Айзенберг, Тикиджянц / Такиджиев), а также некоторых ее преподавателей [\[32, с. 268\]](#).

Известно, что Марк Лазаревич (Людвигович) Леви (1898–1973) родился в Москве. После окончания в 1916 году Креймановской гимназии Леви сначала поступил в Московский государственный университет на физико-математический факультет, потом в следующем году перевелся на юридический, но в конце 1920 года выбыл из числа студентов. Дальнейшие сведения о М. Леви во многом противоречивы и часто не имеют прямых документальных подтверждений [\[33, с. 13; 35, с. 10\]](#).

Работал переводчиком с немецкого языка, а на рубеже 1924–1925-х годов по советскому заграничному паспорту переехал в Германию, где, возможно, изучал красильное дело (с покупкой парагвайского паспорта) и/или учился на филологическом факультете Лейпцигского университета (достоверно не выяснено). В начале 1930-х годов оказался в Турции в Стамбуле, работал в книжной лавке. Помимо Турции мог пожить какое-то время в Швейцарии и Франции, а также с 1933 по 1938 годы быть «преподавателем немецкого языка Лозаннского университета» [\[31, с. 315\]](#). В 1939 году подает запрос на предоставление гражданства СССР и в одной из анкет указывает, что им написана «безобидная книжка» под названием «Повесть с кокаином», в которой «не содержится ни одного слова, направленного против СССР», и что вообще это «его вынужденное произведение, написанное ради своего существования» [\[32, с. 276\]](#). Вернувшись в 1942 году в СССР, поселился в Ереване, где преподавал немецкий язык на кафедре иностранных языков Академии наук Армении.

Открытие Г. Г. Суперфина и М. Ю. Сорокиной было подтверждено также перепиской М. Леви с редактором журнала «Числа» Н. Оцупом, в которой обсуждались вопросы публикации РК в его журнале. В одном из писем содержались завершающие фразы романа, пропущенные в рукописи, в том числе о желтом пузырьке, обнаруженному у главного героя, «на этикетке которого значилось: 1 gr. Cocain hydrochlor. E.Merk in Darmstadt» [\[25, с. 308\]](#).

Вместе с тем многие из имеющихся сведений о М. Леви связаны с его возможной служебной деятельностью [\[31; 32, с. 275–282\]](#), поэтому их затруднительно не только дополнить, но и перепроверить. Существует также версия о «двух» М. Леви, образно представленная в [\[16\]](#).

Резюме. Версия о М. Агееве является, судя по всему, издательским мифом и представляет сегодня интерес лишь в плане созданной интриги авторства РК, а также тем, какие факты, связанные с этим, являются действительными, а какие нет. При этом информация о якобы смерти автора в 1936 году, перед выходом первого книжного издания РК, возможно, является сигналом о закрытии данного проекта.

Версия Н. Струве, хотя и базируется на материале творчества признанного писателя, но приведенные в ее пользу доводы (сходство фабулы произведений В. Набокова и РК, тематики, структурных приемов, языка и пр.) не являются уникальными и свойственны русской классической художественной литературе в целом. Это было убедительно показано в диссертации А. В. Синелевой [\[27, с. 83–86\]](#). Более того, на основе

лингвоматематических методов исследования А. В. Синелева пришла к выводам, что «с высокой степенью вероятности... В. Набоков не является автором «Романа с кокаином» [Там же, с. 197–198]. К аналогичным результатам пришел и А. В. Зенков [\[10\]](#).

Что же касается авторства М. Леви, то оно опирается лишь на совпадение некоторых биографических данных о нем в РК и всего на один-единственный развернутый текст – сам роман, что не позволяет в должной мере выявить его истоки как художественного произведения, относящегося именно к данному автору. Поэтому мы согласны с Н. Струве, который, признав открытие Г. Г. Суперфина и М. Ю. Сорокиной, тем не менее не согласился с их выводами о том, что «в основном проблема авторства "Романа с кокаином" решена» [\[32, с. 268\]](#), ибо они, по его мнению, не выходят «за рамки биографизма» [\[29, с. 463\]](#). В связи с этим Н. Струве предположил, что «Агеев-Леви лишь (или отчасти) подставное имя, а что подлинным автором романа является не он, а опытный писатель, каким мог быть только В. Набоков-Сирин» [Там же]. Ко всему этому следует добавить и то, что сам М. Леви никогда не сообщал о своем авторстве РК людям, с которыми общался, в том числе и близким.

Таким образом, атрибуция РК по-прежнему является дискуссионной. Доводы сторон отчасти являются верными и убедительными, однако полной и объективной картины ни в одном из случаев так и не складывается.

4. Постановка гипотезы об атрибуции «Романа с кокаином»

Нами выдвигается новая гипотеза об авторстве РК, в основе которой лежит аналитический поиск создателя романа через его образ, проявляющийся как в содержательной части произведения, так и в истории его публикации. На основе этого автором романа должен быть человек, не только являвшийся частью эмигрантской литературной среды Парижа того времени, но и входивший в структуры ее печатных органов, ибо для организации публикации этого, по сути, случайного произведения требовалось определенное влияние в них. Кроме того, предполагаемый автор РК должен был уже иметь некоторый литературный опыт, чтобы создать такое высокохудожественное произведение, а также тяготеть к популярному в западноевропейской беллетристике того времени «физиологическому стилю» [\[24, с. 7\]](#). К этому следует добавить его увлечение Ф. М. Достоевским, возможные профессиональные знания в области медицины и житейский опыт, связанный с нуждой, страданиями и утратами, столкновениями с антисемитизмом.

Для создания мистификации необходимы были также веские причины личного характера и высокая степень мотивации. И данным критериям в наибольшей мере соответствует писатель Василий Семенович Яновский.

4.1 Биографические сведения о Василии Яновском

Василий Семенович Яновский (1906–1989) – русский прозаик и литературный критик, публицист, мемуарист (см. о нем в [\[3; 17 24\]](#) и др.).

В. Яновский родился в г. Полтава в еврейской семье. В 1922 году его семья, спасаясь от разрухи и нищеты, вызванными революцией и гражданской войной, эмигрировала из России, оказавшись в Польше. В 1924 году В. Яновский окончил гимназию в г. Ровно (бывшем тогда в составе Польши). Потом учился на математическом факультете Варшавского университета. С 13 лет писал стихи, а с 18 лет прозу. В 1926 году переехал в Париж, где продолжил заниматься литературным творчеством. Наряду с этим поступил

на медицинский факультет Сорбонны, где в 1937 году защитил диссертацию на степень доктора медицины. Врачебная специализация – анестезиолог. Принимал активное участие в литературной жизни русского Парижа в конце 1920-х годов, а также в 1930-е годы входил в состав так называемого «младшего», или «незамеченного», литературного поколения 1-й волны русской эмиграции [5]. В 1934 году был избран членом издательской коллегии при Объединении писателей и поэтов. Находился в тесных дружеских отношениях с Борисом Поплавским – известным не только как оригинальный и скандальный поэт, но и как любитель кокаина [5, с. 165–166; 39, с. 31–64].

В 1942 году уехал в США, где, работая по своей медицинской специальности анестезиолог, время от времени публиковался в русской эмигрантской печати. В 1950-х годах начинает писать и на английском языке. В 1983 году выпустил книгу воспоминаний «Поля Елисейские» [39], которая была, по существу, первым знакомством с ним современного русскоязычного читателя. Для творчества В. Яновского свойствен глубокий, порой даже безжалостный подход к изображению действительности – «с примесью йодоформа», как выразился один из его современников [17, с. 11], чему в немалой мере способствовала его профессиональная деятельность [8]. Кроме того, В. Яновский во многом был последователем Ф. М. Достоевского, отсылки к которому – как прямые, так и косвенные – неоднократно встречаются в его творчестве [17, с. 13].

4.2 Предпосылки и признаки мистификации

1. В 1930 г. В. Яновский публикует свой первый роман «Колесо», а в конце 1931 года выходит второй – «Мир». И если «Колесо» критики встретили вполне благосклонно (он вскоре даже был издан на французском языке), то второму повезло меньше. Г. Адамович и В. Ходасевич, с которыми В. Яновский находился в хороших, в целом дружеских отношениях, и те высказали ряд серьезных замечаний по поводу этого романа [17, с. 12–13; 24, с. 20]. Но дальше всех пошел В. Набоков. В своей рецензии «Волк, волк!», опубликованной в берлинской еженедельной газете «Наш век», он написал, что роман В. Яновского «скучный, шаблонный, наивный, с парадоксами, звучащими как общие места, с провинциальными погрешностями против русской речи, с надоевшими реминисценциями из Достоевского и с эпиграфом из Евангелия». И далее: «А главное – автор до смешного лишен наблюдательности, и потому от его образов веет фальшью и ложью» [20].

Такая жесткая оценка романа «Мир» критиками, и прежде всего В. Набоковым, могла быть воспринята В. Яновским, пусть и начинающим, но очень амбициозным писателем, как вызов, требующий обязательного ответа. О непримиримости В. Яновского в подобных вопросах свидетельствует, например, его переписка с М. Горьким, когда он пытался оспорить практически все снисходительные замечания пролетарского писателя о своем первом романе «Колесо» [21, с. 496–497].

Ближайшее литературное окружение В. Яновского также не питало, как и он сам, к В. Набокову особых симпатий [12; 34, с. 158–162; 36], о чем В. Яновский впоследствии откровенно высказался в «Полях Елисейских», написав, что тот «принадлежал к тому весьма распространенному типу художников, которые чувствуют потребность растоптать вокруг себя все живое, чтобы осознать себя гениями» [39, с. 388]. Да и В. Набоков, судя по всему, платил В. Яновскому той же монетой, называя «солдафоном» [Там же, с. 387]. Дополнительным фактором, повышающим градус творческого и личностного конфликта, было и то, что в эмигрантской среде «молодые поэты и писатели, особенно

монпарнасские (В. Яновский входил в их число. – В. З., П. Т.), которые отказывались подражать старшим эмигрантским писателям, пришли не ко двору» [\[5, с. 149\]](#).

2. Концепцию задуманной мистификации можно представить следующим образом: некий писатель из России, москвич, скрывающийся под вымышленным именем, пишет не только как В. Набоков (в то время известный как Сирин), но даже лучше – гораздо психологичнее и в прекрасных традициях русской классической литературы. Для достижения этого в РК должны использоваться аллюзии, связанные с некоторыми произведениями В. Набокова и их героями, а также идейно-тематическим пространством русской классической литературы, и прежде всего романом Ф. М. Достоевского «Подросток», прототипическая связь которого с РК более очевидна.

Основой верификации «московской прописки» писателя должен был стать материал Марка Леви о его учебе в московской гимназии Р. Ф. Креймана. Как выпускнику гимназии г. Ровно, В. Яновскому «гимназическая» тема также не была чужда. В связи с этим надо признать априори неафишируемое знакомство В. Яновского и М. Леви, а также их творческое сотрудничество на определенных условиях. При этом М. Леви должен был выступать в качестве единоличного автора РК и осуществлять переписку с редакторами (или сам В. Яновский от его имени), оставляя в тайне (по крайней мере для непосвященных в мистификацию лиц) имя его основного создателя – самого Василия Яновского.

3. Если посмотреть именно под таким углом на переписку М. Леви с Н. Оцулем, о которой говорилось выше, то она производит откровенно постановочное впечатление. Якобы начинающий литератор, якобы находящийся в Стамбуле, т.е. совершенно незнакомый с парижской литературной средой, в том числе издательской, ведет себя в письмах Н. Оцулу совершенно свободно, порой даже фривольно, словно он, наоборот, вхож в ее самые верхние круги и знаком со всеми и вся:

«...Вы имеете весьма ложное представление о городе, в котором я живу»; «...Вы далеки от условий местной жизни»; «С предложением сохранить гранки, чтобы впоследствии выпустить отдельной книгой, вполне согласен»; «Когда я в феврале послал повесть Адамовичу, то по беспримерной рассеянности забыл дописать конец» (М. Л. Леви – Н. А. Оцулу. 26.08.1933) [\[25, с. 307-309\]](#);

«Из последней записи Вашей, приложенной к письму, где Вы обзываете меня "милостивым государем", трудно не почувствовать Вашу ко мне явную враждебность»; «...Давайте еще раз, если желаете, протянем друг другу руки и попробуем жить в доброй дружбе»; «Прошу, передайте мой сердечный привет Фельзену» (М. Л. Леви – Н. А. Оцулу. Без даты) [Там же, с. 309–310];

«...Благодарю за приглашение участвовать в осенней книжке, – это вряд ли, даже если "осенняя" выйдет весной»; «"Казаки" соблазняют: хороша эпоха – 1919 год, а конец эффектный – барышни будут плакать»; «журнал "Числа" (10-й) – впервые видел у Л. Червинской: он замечателен, как и она – Червинская» (М. Л. Леви – Н. А. Оцулу. 04 или 05.08.1934) [Там же, с. 310–311].

Первое письмо, в котором говорится о якобы по рассеянности недописанном конце, содержит в себе название медицинского препарата на латинском языке: 1 gr. Cocain hydrochlor. E. Merk in Darmstadt [\[25, с. 309\]](#). Это больше ориентирует на то, что автор текста – носитель медицинского образования, каковым М. Леви не являлся. Кроме того, и в первом, и втором письмах упоминаются, словно давние знакомые М. Леви, Г. Адамович и

Ю. Фельзен. В третьем же письме довольно пространно рассказывается о работе над повестью (романом) «Казаки». Но какое отношение М. Леви, уроженец Москвы, имеет отношение к казачеству, чтобы писать о нем? Другое дело – В. Яновский, родившийся и выросший в Полтаве, тем более что тема казачества затрагивалась в его первом романе «Колесо». Это письмо примечательно еще и тем, что в нем сообщается о № 10 журнала «Числа» за 1934 год, где была опубликована первая часть РК («Гимназия») и который М. Леви якобы видел у Л. Червинской. Но по рассказам той же Л. Червинской (как это дается в литературоведческих источниках), она встретилась с ним (т.е. Леви-Агеевым) лишь в следующем году (см, например, [\[35, с. 9\]](#)).

Более того, из той же переписки мы узнаем, что на самом деле псевдоним М. Агеев пришлось придумывать, как говорится, задним числом, когда рукопись уже была в Париже, причем поначалу это был М. Алисин (письмо М. А. Леви Н. А. Оцупу от 26.08.1933) [\[22, с. 306\]](#). Выходит, что настоящее имя заявленного автора РК было для издательской среды секретом Полишинеля. Тем не менее В. Яновский, пересказав миф о якобы авторе РК М. Агееве в «Полях елисейских» («Был такой писатель Агеев...» [\[39, с. 334–335\]](#)), почему-то умолчал о М. Леви, хотя вряд ли не знал о нем от того же Ю. Фельзена, которому тот по-приятельски передавал привет в письме Н. Оцупу. Ведь В. Яновский не только дружил с Ю. Фельзеном, посвятив тому целую главу в своей книге памяти [\[39, с. 65–91\]](#), но и вместе с ним принимал участие в публикации РК: «Роман с кокаином» мы с Фельзеном издали отдельной книгой» [Там же, с. 334]. Таким образом, имеющиеся сведения дают основания заключить, что в полном объеме РК мог быть создан не М. Леви, а В. Яновским. Рассмотрим, как его предполагаемое авторство проявляется на текстологическом уровне романа.

4.3 Текстологические особенности мистификации

Атрибуция художественного текста, как известно, является одним из разделов текстологии. Решающую роль в этом вопросе В. В. Виноградов отдавал «объективно-стилистическим методам» исследования [\[6, с. 192–217\]](#), когда «анализ должен исходить от наиболее высокого плана строения текста и отсюда двигаться к более элементарным планам (синтаксическому, лексическому, звуковому)» [Там же, с. 198]. К «высокому плану» строения текста можно отнести его композицию и авторские интенции, реализующиеся через нее, что, в свою очередь, выходит на речеведение – «теорию языкового узуса, запечатленного в продуктах речевой деятельности (= текстах) конкретной языковой личности» [\[26, с. 7\]](#).

Чтобы выявить возможное авторство В. Яновского на «высоком» текстологическом уровне, рассмотрим некоторые особенности РК в сравнении с другими его произведениями – романами «Мир», «Любовь вторая» и «Портативное бессмертие», которые создавались, как и РК, в 1930-х годах, т.е. соседствуют с ним на хронологической шкале.

1. В структурном плане РК построен по той же схеме, что и роман «Любовь вторая» (опубликован в 1935 году, годы работы 1932–1933 [\[37, с. 144\]](#)). В обоих произведениях повествование ведется от первого лица, и, хотя во втором рассказчиком является женщина, фабульная суть одна и та же. Как и Вадим Масленников, героиня, доведенная до крайней точки отчаяния, обретает свое душевное спасение во внезапно открывшейся ««любви второй», т.е. любви божественной, которая приходит на смену ее неудавшейся земной любви» [\[24, с. 28\]](#). Вадим Масленников также находит свою «любовь вторую», но

только дьявольскую, в кокаине. Однако это все равно не спасает ни ее, ни его от трагического исхода.

В конце обоих произведений читатель вдруг узнает, что на самом деле они являются дневниковыми записями героев, которые после их гибели попали в руки врачей и которые эти записи, судя по всему, и опубликовали. При этом врачи делают профессиональные психиатрические и патологоанатомические заключения о том, с чем они столкнулись. Вот как это представлено, например, в РК:

«Налицо были все симптомы хронического отравления кокаином: расстройство желудочно-кишечного канала, слабость, хроническая бессонница, апатия, истощение, особая желтая окраска кожи и ряд нервных и, видимо, психических расстройств, наличие которых несомненно имелось, но точное установление которых требовало более длительного наблюдения» [\[1, с. 175\]](#).

С описанием медицинского заключения в «Любви второй» можно ознакомиться непосредственно в тексте произведения, которое мы опускаем в нашей статье из-за его слишком «физиологического» содержания [\[37, с. 41-44\]](#).

С «Любовью второй» и РК сближается в концептуальном плане роман «Портативное бессмертие» [\[40\]](#), над которым В. Яновский начал работать во второй половине 1930-х годов, хотя опубликовал лишь в 1953 году. Главный герой романа Жан Дут изобретает аппарат, излучающий лучи-любви Омега с целью духовного перерождения людей, ибо все, что попадает под их воздействие, «подвергается чудесному влиянию, претерпевает райское изменение» [\[40, с. 567\]](#). Говоря иначе, речь идет о «преображении при помощи науки и техники всех условий человеческого существования» [\[5, с. 221\]](#). Таким образом, и в «Портативном бессмертии» представлена попытка искусственного решения проблемы человеческого счастья, только место религии и наркотиков занимает научно-технический прогресс. И попытка эта тоже неудачна, ибо неубедительность «рационально-научных подходов к усовершенствованию человеческой души» [\[23, с. 15\]](#) проявилась в романе со всей очевидностью.

2. В романе В. Яновского «Мир» (1931) ключевым является монолог главного героя Шелехова о природе и сути человеческого мышления [\[38, с. 280-283\]](#). Он, в частности, говорит:

«Существует только то, что ощущаемо, воспринимаемо и осознаваемо. Пойми, то, что не осознанно, не существует. Сейчас, может быть, в Шанхае родились сиамские близнецы; но пока мы этого не подумали, не восприняли: их не было! Наш мозг рождает все в мире» [\[38, с. 281\]](#).

Вадиму Масленникову в РК приходят в голову аналогичные мысли:

«...Для человека важны не события в окружающей его жизни, а лишь отражаемость этих событий в его сознании. Пусть события изменились, но поскольку их изменение не отразилось в сознании, такая их перемена есть нуль, – совершеннейшее ничто. Так, например, человек, отражая в себе события своего обогащения, продолжает чувствовать себя богачом, если он еще не знает, что банк, хранящий его капиталы, уже лопнул» [\[1, с. 148\]](#).

Развитием «шелеховской» концепции являются и пространные рассуждения Вадима

Масленникова о театре [\[1, с. 156-163\]](#), где тоже утверждается, что «причину возникновения в нас тех или иных чувств, которыми мы реагируем на внешнее событие, нужно отыскивать отнюдь не в характере этого события, а всецело в состоянии нашей души» [\[1, с. 163\]](#).

3. Вторая часть РК «Соня» начинается с развернутого лирическое отступления о бульварах:

«Бульвары были, как люди; в молодости, вероятно, схожие, – они постепенно менялись в зависимости от того, что в них бродило...» [\[1, с. 64\]](#).

И далее детально описываются бульвары тихие, семейные, где «ковырялись дети», «няньки вязали чулки», «матери читали книжки»; бульвары «шумливые», где «играла военная музыка», а по вечерам «трубы пели про Фауста»; бульвары «на первый взгляд скучные – не будучи ими», где «за двугривенный разбазаривали любовь» или присаживались, чтобы «остановить жизнь» [Там же, с. 64–65].

Это именно бульвар В. Яновского, присутствующий практически во всем его творчестве как некий неотъемлемый концепт бытия, почти равнозначный понятию жизни:

«Его знали все проститутки, фланирующие в течение дня по скверам, паркам, бульварам» [\[38, с. 120\]](#); *«Не знаю, изобрела ли я это движение или подметила на бульварах»* [\[37, с. 108\]](#); *«Гуляю по бульвару, покупаю табак»* [\[40, с. 480\]](#) и т.д.

В «Полях Елисейских» бульвар отмечен в воспоминаниях о дружбе В. Яновского с Б. Поплавским:

«Весна и осень в Европе прекрасны, в Париже и лето порою чудесно, вопреки угру и зною. Поплавский даже воспевал это застывшее пекло. Мы бродили по рынкам и бульварам, исполненные юношеского восторга, в поисках идеального воплощения подвига и греха» [\[39, с. 54\]](#).

Рассуждение о бульварах в РК структурно перекликается с началом романа «Портативное бессмертие»:

«Дневные сны особенные: по тяжести, неудовлетворенности, смертоносности. Словно опьяняющее средство, при помощи которого люди иногда стараются познать грядущее...» [\[40, с. 303\]](#).

Здесь также сначала вводится тема (дневной сон), и далее идут рассуждения об особенностях пробуждения во время него, во многом схожие с трансцендентальным состоянием Вадима Масленникова вследствие приема кокаина. Ср.:

«В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. И медленно и плавно комната начинает поворачиваться и падать одним углом. Угол опускается глубже, проползает подо мной, лезет подо мной, лезет позади меня вверх, появляется надо мной и снова, но уже стремительно падает. Я раскрываю глаза, комната вонзается на место, сохранив свое кружение в моей голове. Шея не держит, голова моя обваливается на грудь, поворачивает комната вверх ногами – Что они сделали, что они сделали со мной, – шепчу я и потом, бессмысленно помолчав, еще говорю: – что ж, я пропал» [\[1, с. 142\]](#);

«Мне снился часто повторяющийся сон: лежу открытый, внутренно беззащитный, а дверь медленно отворяется (или она осталась незахлопнутой), и кто-то стал на пороге,

заглядывает, входит. Надо проснуться, надо немедленно проснуться: иначе гибель (откуда эта вера)! Но проснуться циклопически трудно (в сущности: не сплю), нужно воспрянуть, шелохнуться, крикнуть, вернуться к знакомым формам жизни. Ох, как тяжко, – ни шевельнуться, ни замычать, ни взглянуть даже! А опасность столь очевидна: открыт, безгласен в присутствии – врага» [\[40, с. 303–304\]](#).

Исходя из этого первая глава романа «Портативное бессмертие» создает устойчивое впечатление намека В. Яновского на его авторство РК.

4. В РК имеет место высокочастотное употребление лексем с основой «шибк-» (25 раз!): «шибко» (19), «шибкий» (4), «шибче» (2), что является уникальным для всего корпуса текстов русской литературы, тем более что сам роман состоит всего из 43 947 слов:

*Я отклеил от ее талии **шибко** ноющую в плече руку; Чем дольше я стою, тем **шибче** каменею; Стоял сухой и **шибкий** мороз и т.д.*

Н. Струве, согласно его концепции авторства РК, полагает, что речь должна идти, прежде всего, «о придуманном и продуманном приеме выжать из слова все возможные его оттенки» [\[30, с. 456\]](#), ибо «в русской прозе Набоков, вне сомнения, стилист высшей пробы, но далеко не классик, а модернист-экспериментатор» [Там же, с. 458].

Однако объяснение этому возможно следующее. Лексемы с основой «шибк-» встречались иногда в произведениях В. Набокова до появления РК:

*Горничная зашептала еще **шибче**. [Возвращение Чорба (1925)]; Колин... вился вокруг Горноцветова, который, присев, ловко и лихо выкидывал ноги, все **шибче**... [Машенька (1926)]; ...Но ходил все же весьма **шибко** [Лебеда (1932)].*

Это могло быть истолковано создателем (создателями) мистификации как серьезное нарушение языковой нормы выходца из дворянской среды, который сам при этом умудрялся критиковать стиль других (как в случае с романом В. Яновского «Мир»). Поэтому в таком избыточном употреблении лексем с основой «шибк-» в РК может присутствовать в гротескной форме насмешка над В. Набоковым.

5. Таковы некоторые текстологические особенности РК и ряда произведений В. Яновского, которые позволяют сделать вывод об их схожей фабульной, концептуальной и стилистической природе. При этом имеются признаки общности их синтаксиса и ритмомелодики, а также некоторых лексических особенностей. Так, повествование в РК ведется от лица Вадима Масленникова, однако во второй части значительное место занимает письмо Сони. По манере изложения оно перекликается с повествованием геройни «Любви второй». Установление конкретных языковых причин такого сходства является одной из приоритетных задач в дальнейших исследованиях, посвященных заявленной нами атрибуции РК.

5. Мистификация «Василий Шишков» как ответ В. Набокова

В. Набоков, на первоочередную реакцию которого, скорее всего, и был рассчитан РК, тем не менее словно бы не заметил его. Однако есть основания полагать, что ответ все же состоялся в виде рассказа «Василий Шишков» в рамках известной литературной мистификации [\[15\]](#).

Общий смысл рассказа, опубликованного в эмигрантской газете «Последние новости» 12 сентября 1939 года, традиционно видится в желании В. Набокова показать, что он поймал своих критиков в ловушку, в первую очередь Г. Адамовича, а также «связан с

личными трагическими темами, актуальными в 1939 году для В. Набокова, готовившегося под угрозой надвигающейся войны покинуть Париж» [\[15, с. 193\]](#).

Однако в рассказе имеется информация, связанная с попыткой розыгрыша самого В. Набокова через РК. Например, имя и фамилия Василия Шишкова объясняются исследователями отсылкой к Василию Травникову – псевдониму, которым пользовался В. Ходасевич, тоже считавший себя жертвой критических выпадов Г. Адамовича, и к фамилии предков В. Набокова по отцовской линии [\[13, с. 12\]](#). Но Василий – это также и имя Яновского, а фамилию Шишков можно соотнести с шишкой как следствием ушиба, в связи с чем она может быть осмыслена и как Шибков. В таком случае в фамилии Шишков содержится намек на чрезмерное употребление в РК лексем с основой «шибк-», над чем В. Набоков в завуалированной форме иронизирует.

Аллюзии, связанные с В. Яновским и его творчеством, включая РК, можно выявить и непосредственно в тексте рассказа. Так, при первой встрече поэт предлагает почитать свои стихи, сделанные, как потом выясняется, нарочито плохо. Оценка их автором (т.е. В. Набоковым), очень похожа на негативную оценку романа В. Яновского «Мир»:

«Стихи были ужасные, – плоские, пестрые, зловеще претенциозные. Их совершенная бездарность подчеркивалась шулерским шиком аллитераций, базарной роскошью и малограмотностью рифм..., – а о темах лучше вовсе умолчать: автор с одинаковым удальством воспевал все, что ему попадалось под лиру. Читать подряд было для нервного человека истязанием» [\[19\]](#).

Далее следует обмен любезностями по поводу творческого кредо обоих, но на этом В. Набоков не успокаивается, сообщая, что его оппонент собирается выпускать журнал «Обзор Страдания и Пошлости», чем намекает на излишнюю «физиологичность» его творчества.

В рассказе присутствуют и некоторые факты биографического порядка. Герой, в частности, сообщает о себе: «Мне скоро тридцать лет, в прошлом году я приехал сюда, в Париж, после абсолютно бесплодной юности на Балканах, потом в Австрии»; «Я переплетчик, наборщик, был даже библиотекарем, – словом, вертелся всегда около книги».

Мы видим, по существу, прямые указания на основные «вехи» биографии М. Агеева / М. Леви: Стамбул, Германия, работа в книжной лавке. Кроме того, в 1934 году, когда появился РК, В. Яновскому было как раз почти «тридцать лет».

Василий Шишков мечется, мучительно ищет выход из своего трудного положения: «Убраться в Африку, в колонии?»; «...Остается способ один – исчезнуть, раствориться».

Через какое-то время автор рассказа узнает, что он действительно исчез, а «полиция ничего не выяснила, – кроме того, что пропавший давно просрочил то, что русские называют “картой”».

Здесь мы видим намек на просроченный парагвайский паспорт, который якобы потеряла Л. Червинская. Интересно еще и то, что именно в 1939 году, когда был написан рассказ «Василий Шишков», М. Леви, согласно противоречивым данным его биографии, и перебрался в Турцию.

Концовку рассказа В. Набоков оставляет за собой, саркастически вопрошая по поводу того, что Василий Шишков, по его мнению, решил «исчезнуть в своем творчестве»: «Не

переоценил ли он "прозрачность и прочность такой необычной гробницы"?».

Это видится в целом как ирония В. Набокова по поводу так и не состоявшегося творческого визави ему, Набокову-Сирину, в лице Яновского-Агеева.

Можно сделать вывод, что одной из составляющих мистификации В. Набокова о фантомном поэте Василии Шишкове является информация о том, что он был в курсе всех перипетий, связанных с авторством РК.

6. Заключение

Проведенное исследование показало, что предполагаемое авторство В. Яновского «Романа с кокаином» проявляется через предпосылки и организацию данной мистификации, а также на концептуальном и текстологическом уровнях, выходящих на собственно языковые: синтаксический и лексический. Однако нами затронуты лишь самые общие, базовые вопросы, могущие подтвердить выдвинутую гипотезу. Необходима дальнейшая работа для получения более конкретной и полной картины, связанной с новым подходом к атрибуции этого произведения.

Вопросов, требующих научного обоснования, много. Основные из них: в чем именно заключалось сотрудничество М. Леви и В. Яновского, где и как они познакомились и почему оба избегали упоминаний друг о друге? Почему М. Леви, который играл роль автора романа, переписываясь с редакторами при его первых изданиях, впоследствии, если судить по имеющимся данным, ничего не говорил об этом, за исключением одной-единственной анкеты 1939 года? Почему В. Яновский публично упомянул «Роман с кокаином» лишь тогда, когда практически все предполагаемые свидетели мистификации и, возможно, тоже ее участники (Г. Адамович, Г. Иванов, Ю. Фельзен), в том числе и М. Леви, уже ушли, изложив при этом только издательский миф, хотя знал о ней, как явствует из проведенного нами анализа фактов, гораздо больше?

Слова Н. Струве, отстаивавшего версию авторства В. Набокова, в данном случае могут быть также уместны: только одно упоминание «кокаинной» темы для В. Яновского, ставшего гражданином США, «могло обернуться в пуританской стране и неприятностями» [\[30, с. 461\]](#), тем более что работал он там по своей медицинской специальности, так что «не проще ли было оставить в забвении кокаинный роман?» [Там же]. Но это ничего по сути не раскрывающее объяснение.

«Кто такой Василий Шишков?» – спрашивал в свое время удивленный Г. Адамович. Мы же, в свою очередь, спрашиваем: «Кто вы, доктор Яновский?» Не только незамеченный классик «незамеченного поколения», но еще и неожиданный и оригинальный мистификатор?!

Библиография

1. Агеев М. Роман с кокаином. Москва: ТЕПРА, 1990. 176 с. ISBN 5-85255-002-7.
2. Анненский Л. А. Роман без кокаина // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 5-16.
3. Арьев А. Ю., Яновский В. С. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. С. 810-811.
4. Бажанова Р. К. Мистификация в контексте культуры: виды и функции // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4-2. С. 21-28. EDN: TRRDMV.
5. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Москва: Русский путь, 2010. 542 с. ISBN

978-5-98854-024-3. EDN: QPTCVL.

6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. Москва: Гослитиздат, 1961. 614 с.

7. Волчек Д. Загадочный господин Агеев // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: ТЕРРА, 1990. С. 3-10.

8. Димитриев В. М. "Медицина, наука и жизнь" в литературном проекте В. С. Яновского // Русская литература. 2022. № 3. С. 63-73. DOI 10.31860/0131-6095-2022-3-63-73. EDN: LYXWXZ.

9. Документ и "документальное" в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. редактор Н. М. Куренная. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. 384 с. ISBN 978-5-7576-0402-2.

10. Зенков А. В. Новый статистический метод стилеметрии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-1. С. 62-71. EDN: YHRFKL.

11. Злыднева Н. В. Предисловие // Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 6-10. ISBN 978-5-7576-0480-0.

12. Климова Т. М. Литературная идеология Георгия Иванова и младоэмигрантов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2015. № 3. С. 25-32. EDN: YOIONN.

13. Кочетова С. А. Василий Шишков: от имени литературного героя до псевдонима (на материале творчества В. Набокова) // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2018. № 7 (31). С. 10-1. EDN: HSBSZU.

14. Культура сквозь призму идентичности / отв. ред. Л. А. Софронова, Н. М. Филатова. Москва: Индрик, 2006. 423 с. ISBN 5-85759-387-5.

15. Маликова М. Э. Фантомный парижский поэт Василий Шишков // Русская литература. 2013. № 1. С. 191-210. EDN: PUWXJP.

16. Мамедов А. И. Совпадение в Маке // Новый мир. 2021. № 4. С. 60-69.

17. Мельников Н. Г. Незамеченный писатель // Яновский В. С. Поля елисейские. Москва: ACT, 2012. С. 5-25.

18. Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики: сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. 420 с. ISBN 978-5-7576-0480-0.

19. Набоков В. В. Василий Шишков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.ru/NABOKOW/fial10.txt> (дата обращения 25.07.2025).

20. Набоков В. В. Волк, Волк! // "Наш век", 31.01.1932 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/volk-volk.htm> (дата обращения 21.07.2025).

21. Переписка Горького с В. С. Яновским // Горький и его корреспонденты (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 7). Москва, 2005. С. 493-500.

22. Равдин Б. Н. Об авторе "Романа с кокаином" // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 292-298.

23. Рубинс М. О. Сделать бывшее небывшим: (анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: романы. Москва: Астрель, 2012. С. 5-31.

24. Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5-48.

25. Серков А. И. "Сорбоннисты" и "архивисты", или Еще раз об авторстве "Романа с кокаином" // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 299-311.

26. Сигал К. Я. Синтаксис и речеведение. Москва; Ярославль: Канцлер, 2023. 194 с. ISBN 978-5-907590-36-6. EDN: DQPGBJ.

27. Синелева А. В. Атрибуция "Романа с кокаином": лингвостатистическое исследование:

дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. 330 с. EDN: QDKTAV.

28. Строев А. Ф. Жанр поддельных политических завещаний: от Петра I до Сталина // Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики / отв. ред. Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 217-263. DOI 10.31168/7576-0480-0.13. EDN: BOXNUH.

29. Струве Н. А. Еще об авторстве "Романа с кокаином" / Н. А. Струве // Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь, 2000. С. 461-464.

30. Струве Н. А. Роман-загадка // Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь, 2000. С. 436-461.

31. Суперфин Г. Г., Сорокина М. Ю. "Товарищ Леви": Постскриптум // Агеев М. Роман с кокаином. Москва: Согласие, 1999. С. 313-317.

32. Суперфин Г. Г., Сорокина М. Ю. Был такой писатель Агеев... // Минувшее: Исторический альманах. 16. Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 2000. С. 265-285.

33. Толстой И. Агеев М. // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: в 3-х т. / под ред. Н. Н. Скатова. Москва: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 1. С. 13-15.

34. Урбан Т. "Роман с кокаином" протокол поиска следов // Урбан Т. Набоков в Берлине. Москва: Аграф, 2004. С. 152-177.

35. Целкова Л. Н. Агеев М. // Русские писатели 20 века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 911.

36. Шеховцова О. Н. История одной критической баталии вокруг Владимира Набокова и ее преломление в его художественных произведениях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 112-120. EDN: JXDHEX.

37. Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 608 с. ISBN 978-5-4448-0164-2.

38. Яновский В. С. Мир: роман. Берлин: Парабола, 1931. 285 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vtoraya-literatura.com/publ-699> (дата обращения 21.07.2025).

39. Яновский В. С. Поля елисейские. Москва: ACT, 2012. 480 с. ISBN 978-5-271-37337-4.

40. Яновский В. С. Портативное бессмертие: романы. Москва: Астрель, 2012. 604 с. ISBN 978-5-271-44152-3.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора